

Кунсткамера Мирзоева

Мир за неделю - 2000 - 15 - 22 янв - с. 11

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ
Новые Известия.
Подписной индекс 42898

«Коллекция Пинтера», постановщик Владимир Мирзоев, сценография и костюмы Павла Каплевича.

Раньше казалось, что о Мирзоеве, как о Пелевине, надо говорить исключительно с людьми, его знающими и любящими. И что «знать» и «любить» в данном случае тождественно. Кто читает у Пелевина всё и ждет, ждет, с нетерпением ждет чего-нибудь новенького, кто смотрит все спектакли Мирзоева и предвкушает каждую его премьеру — только эти в меру продвинутые граждане способны оценить тонкость, нюанс, оттенок, новый аромат в старом букете. Так казалось. А оказалось совершенно по-другому. Количество поклонников и у модного писателя, и у эксцентричного режиссера медленно, но неуклонно растет. Не каждый способен «въехать» в новый стиль сразу, иным требуется время. Зрелое поколение только подтягивается туда, где уже давно по полной программе «отрывается» молодежь. Последняя премьера Мирзоева склонила на его сторону еще несколько благородных седых голов. Одна из них принадлежит МихМиху Козакову, который пребывает в полном восторге от «Коллекции Пинтера», рекомендует ее для скорейшего просмотра всем близким и дальним знакомым, а о своем совсем еще недавнем отторжении мирзоевских спектаклей отзывается в тоне сдержанного раскаяния. «Вы поймите, — говорит Козаков, — мы, воспитанные на очень осмысленных спектаклях, по Гоголю в частности... Нам трудно было воспринять такую «Женитьбу» после Эфроса... Или такого «Хлестакова»... А вот игра с Пинтером абсолютно оправданна». Молодые зрители, ни с какой стороны не обремененные излишней осмысленностью, не раз заводились

и от «Женитьбы», и от «Хлестакова», и от «Амфитриона», и от прошлогоднего Шекспира. Возбуждал именно контраст между текстом и исполнением. Пинтер в этом плане выглядит гораздо спокойнее. С ним классическим путем все равно разобраться невозможно, и потому Мирзоев в приложении к Пинтеру шока не вызывает. «Коллекция» — самый сдержанный, уравновешенный, интеллигентный и не противоречащий оригиналу спектакль Мирзоева.

Подбор актеров соответствует названию. То есть он коллекционный: Елена Шанина, Максим Суханов, Сергей Маковецкий, Валентин Гафт. Из них Суханов просто талисман Мирзоева, Маковецкий в высшей степени удачно дебютировал у этого режиссера в «Двенадцатой ночи», Шанина хоть и с меньшим успехом, но тоже успела освоить мирзоевскую школу в «Двух женщинах» (ленкомовский вариант «Месяца в деревне»), и только Гафт затесался в их компанию со стороны, как полнейший новичок. Надо сказать, пока он чужой на этом празднике жизни. Не догоняет. Но тот же Козаков уверен: «Догонит! Я бы догнал, и он догонит обязательно... Просто мы привыкли играть — шар об шар и в лузу. А тут надо — от борта и винтом в лузу... Правда, я хорошо придумал?». МихМих, возможно, сам не отдает себе отчета, насколько хороша и точна его метафора. «От борта» — поскольку сюжет совершенно теряется у Мирзоева всякую самооценку. Результат не важен, более того — он сомнителен, сомнительна сама возможность получения в жизни какого-либо результата, все силы, все помыслы направлены исключительно на процесс. Отсюда и получается «винтом» — изощренно, подробно, с фантазией. Насчет окончательного «в лузу» позволю себе усомниться. Высший шик для мирзоевского спектакля — неожиданно и добровольно затормозить в миллиметре от края.

Суханов и Маковецкий играют парочку живущих вместе модель-

еров. Наверное, голубых или как минимум бисексуальных. А какими еще могут быть модельеры, да вдвоем живущие вместе? Впрочем, это несущественно. Гафт и Шанина изображают супружескую пару, где жена, кажется, изменила мужу с одним из модельеров. Конкретно — с Сухановым. Кажется, изменила. А может быть, и нет. Сама она утверждает то одно, то совершенно противоположное. Ее «герой-любовник» тоже то во всем признается, то все отрицает, то признается, но частично... На самом деле, имела ли измена место в реальности или просто в женской голове — тоже абсолютно не важно. Из четырех персонажей этого не понимает только оскорбленный муж. И, собственно, весь спектакль посвящен трудному вдалбливанию в его старомодную голову простейших вещей в духе: суета сует и всяческая суета — выеденное яйцо, не надо делать волну и раскачивать лодку — как свою, так и чужую, все на свете относительно, приблизительно и неточно, а точен и безотносителен один лишь душевный покой, который приобретается огромными усилиями и должен цениться пуще глаза, пуще жены, пуще любви, денег, приличий...

«Коллекция Пинтера» в общих чертах соответствует прежней мирзоевской эстетике (и этике). Непременные отголоски буддизма, восточные мотивы на заднике и арабская вязь на кулисах... Ты противостояшь жизни и побеждаешь ее — это один театр. Ты борешься с жизнью, и жизнь побеждает тебя — другой. Очень смешной. Потому что с этого момента ты свободен. Мирзоев — режиссер освобожденного зрителя. И то, что явно «случайная» в большинстве своем публика уже дважды встречала «Коллекцию» громовыми овациями, говорит о гигантском росте этой самой публики. Свободных людей у нас становится все больше. А значит, и побежденных жизнью, к сожалению, — тоже...